

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ НЕУСТОЙЧИВОГО РИСКА

Доктор философских наук, профессор **В.А. ЛОСЬ**
(Российская экологическая академия)

22–23 сентября, в ещё жарком осеннем Нью-Йорке, на полях Генеральной Ассамблеи ООН проходила работа Саммита будущего ООН. В город Большого яблока съехались главы государств и правительств, лидеры мирового сообщества, представители гражданского общества, влиятельных международных общественных организаций, ведущих научных центров. В условиях современной мировой социально-политической турбулентности, неплохо было бы остановить, если это возможно, историческую негативную стремительность глобального социума и наметить контуры предвидимого будущего. Тем более что мировое общество по-прежнему объединено, не отказавшись от выполнения принятой ещё в середине второй декады XXI в. планетарной стратегии – Целей устойчивого развития (ЦУР). Окончательные итоги выполнения этой стратегии должны быть подведены через шесть лет.

* * *

ЦУР – совокупность проблем глобального масштаба (от преодоления бедности и смягчения остроты биосферной напряжённости – до инновационности в научных и социальных сферах). От позитивного решения этих проблем непосредственно зависит реализация конструктивно-го будущего человечества. Сегодня на пути реализации этой мировой стратегии отчётливо фиксируется система препятствий.

Во-первых, неожиданное “нападение” коронавируса COVID-19, которое, хотя и успешно в целом отражено в масштабах цивилизации, тем не менее последствия этого феномена не прошли бесследно для мировой экономической и социальных структур глобального социума.

Во-вторых, “троякий кризис” социоприродного характера: – неуклонное изменение планетарного температурного режима, продолжающаяся деградация биосферных подсистем и стремительное сокращении биоразнообразия.

В-третьих, усиление противоречий между различными ветвями мировой цивилизации.

Неудивительно, что в официальных материалах ООН, представленных к нынешнему Саммиту, указывается показатель 17% – таков на сегодня признанный показатель (не) выполнения мировой стратегии ЦУР. Поэтому мировое сообщество концентрируется на смягчении ключевых проблем планетарной динамики. Отметим лишь некоторые из них.

Синдром голода. Реальность голода в современном мире, говорилось с трибуны ООН, – это “шокирующее пятно на репутации всего человечества и грубейшее нарушение прав человека”. По данным

доклада “Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире”, совместно подготовленном пятью специализированными учреждениями ООН (ФАО, ВОЗ и др.), число голодающих на планете составляет более 700 млн человек. Голодает каждый 11-й житель планеты и каждый 5-й африканец.

Планетарные климатические тренды. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), действующая с конца XX в., под эгидой ООН, исходит из представлений, в соответствии с которыми потепление температурного режима планеты – результат человеческой деятельности, связанной с выбросами парниковых газов, преимущественно углекислого газа. В последнем (шестом) докладе МГЭИК обращается внимание на то, что ускорение глобального потепления и обострение его негативных последствий происходит более быстрыми темпами, чем представлялось ещё в начале XXI в.

Преодоление этого негативного тренда связывается с реализацией мировой стратегии “энергетического перехода” – неуклонной заменой органического топлива альтернативными (возобновляемыми) источниками энергии, не связанными с масштабными выбросами парниковых газов. По данным ООН, на текущий момент до 30% мировой потребности в электроэнергии покрывается возобновляемыми источниками. Чтобы планете остаться в пределах комфортных температурных границ, к 2030 году этот показатель должен быть увеличен в три раза.

Биосферная деградация. Большинство прогнозов XX в. исходило из высокой степени конфликтности

по линии “человечество – биосфера”, учитывая масштабы воздействия человеческой деятельности на окружающую природную среду. И в XXI в., несмотря на все усилия мирового сообщества, планетарная социально-экологическая ситуация по-прежнему далека от позитивной динамики.

Впрочем, Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) отнюдь не собирается сворачивать свою деятельность. Напротив, отметив свой 50-летний юбилей (Программа берет начало со Стокгольма-72), ЮНЕП представила доклад “Глобальный обзор на 2024 год”. И хотя, отмечается в нём, цивилизация как бы отклонилась от продвижения по направлению к ЦУР под давлением “системного кризиса”, тем не менее человечеству не избежать адекватного решения социоприродной проблемы, если рассчитывает войти в предвидимое будущее.

Цифровизация деятельности. Включение компоненты инновационности во все сферы человеческой деятельности – важнейший элемент реализации стратегии ЦУР. Цифровизация – одна из форм инновационного развития мирового социума. Использование цифровой технологии рассматривается как существенный фактор “рациональной эффективности” деятельности. Считается, что с начала XXI в. цифровыми технологиями удалось охватить около 50% населения стран глобального Юга.

* * *

На полях Рио-92 заложенные основания концепции устойчивого развития материализовались в виде стратегии устойчивого развития (УР-стратегии), которая на протяжении уже более трёх десятков лет

реализовалась в той или иной степени в большинстве стран мирового сообщества.

Её более структурированная конкретизация наметилась в форме ЦУР, на пути которых, особенно в последние годы, возникал Монблан препятствий. Их затруднительно, кажется, полностью устранить, но можно было попытаться пришпорить финишный процесс, учитывая неуклонное приближение контрольной даты – 2030 год. Возможно, именно для этой цели летом, накануне Саммита, Генсек ООН создал Группу лидеров по стимулированию ЦУР, особенно их экономической составляющей.

Европейский “зелёный курс” ориентируется на реализацию принципов ESG-доктрины (*environmental, social, governance*) как формы конкретизации УР-стратегии. В её рамках экономическая модель ЕС, достигнув углеродной нейтральности к 2050 году, должна стать более конкурентоспособной социально-экономической системой.

Стратегически США ориентируются на реализацию “зелёной стратегии”, предусматривающей её превращение в углеродно-нейтральную страну с неуклонно сокращающимися технико-антропогенными выбросами в биосферу. Повышается субсидирование проектов чистой энергетики (“зелёный” водород); поддерживаются меры, связанные с сокращением парникового эффекта (например, введение тарифов за углеродные выбросы). При этом США пытаются распространить свою стратегию на другие страны.

Хотя Китай уже передал “жёлтую майку” мирового демографического лидера Индии, тем не менее его стратегические цели, в сущности,

не изменились – выход на уровень национального развития, обеспечивающий неуклонный экономический рост при предотвращении существенных деградационных изменений биосферы. Лидеры страны провозглашают приоритеты “зелёной экономики”, призывая мировое сообщество построить общими усилиями “дом”, в рамках которого гармонично развивалась бы система “человек – природа”. Устойчивое развитие даже называют “золотым ключом”, открывающим дорогу к решению, в сущности, всех проблем современности.

“Новая Индия” не только уже приобрела статус демографического лидера, но и вошла в пятёрку ведущих мировых экономик. Национальная стратегия развития Индии, выдвигая девиз “Всеобщая поддержка, развитие и доверие”, солидаризируется с основополагающим принципом ООН – “Не оставлять никого в стороне” (*Don't leave anyone behind*). Индийская УР-стратегия реализует отчётливую национальную специфику – учёт демографического фактора, внимание к процессам информатизации, преодоление внешней энергетической зависимости, акцент на равноправие положения женщин. Страна реализует семилетний план действий (с 2023 г.) по ускорению прогресса в достижении ЦУР.

Страны Африканского континента, особенно южнее Сахары, по-прежнему находятся в непростой социально-экономической ситуации. “Демографический синдром” (на континенте к концу XXI в. будет проживать около 40% населения планеты) не только осложняет решение национальных проблем. Он может стать стимулом “интеллектуального

взрыва”; национальные природные ресурсы – существенный фактор исторического динамизма; “зелёная” энергетика создаст предпосылки для развития промышленного и аграрного секторов. Позитивно оцениваются и перспективы “голубой” экономики – масштабное использование Мирового океана как источника дополнительных продовольственных ресурсов.

Российская Федерация изначально в полной мере восприняла концепцию устойчивого развития. И хотя её так и не удалось перевести на уровень национальной стратегии, тем не менее с конца 90-х годов XX в. была принята система государственных документов, составляющая основание российской модели устойчивого развития, включая и ЦУР. Из материалов, представленных РФ в ООН, следует, что большинство, если не все, соответствующие контрольные цифры выполняются или будут близки к этому, особенно к заключительному периоду искомой Повестки. Динамично продвигается национальная ESG-стратегия, в рамках которой РФ стремится, с одной стороны, отчётливее обозначить национальные ориентиры инновационного развития, а с другой – остаться участником международного продвижения в будущее, пробираясь через вихри современной политической турбулентности.

* * *

С начала XXI в. Фонд устойчивого общества (*Sustainable Society Foundation*, Нидерланды), а позднее Кёльнский университет прикладных наук (TH Köln, Германия) публикуют соответствующие рейтинги стран мира (154 государства). Результаты

последнего исследования доковидного периода (2018), уточнённые в начале 2022 г. выглядят следующим образом.

Первая десятка рейтинга принадлежит в основном малым европейским странам (в тройке лидеров – Финляндия, Нидерланды и Португалия); совсем рядом с ними – Дания и прибалтийские государства.

При этом мировые экономические лидеры имеют фактически равные рейтинги устойчивости (США – 58, КНР – 59). Япония, однако, являясь четвёртой экономикой мира, заработала 12 место в рейтинге. Вместе с тем Индия (в 2024 г. страна занимает третье место в мировой экономической иерархии) отстаёт от Китая на 19 пунктов (её рейтинг устойчивости – 78).

Наконец, последние рейтинговые строчки отданы странам Африканского континента. Завершает рейтинг Папуа – Новая Гвинея, Российская Федерация находится в первой трети рейтинга.

Интересно сравнить эти показатели с рейтингом стран мира по уровню счастья (*World Happiness Report*, 2024), составляемый уже более 10 лет под эгидой ООН. Для этих целей сконструировали *mix* как из сравнительно объективных показателей стандартного благополучия (уровень ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, гарантии занятости и др.), так и заведомо относительно субъективных данных (уровень доверия, великодушия, щедрости и др.). И в этот “винегрет” добавили результаты опросов общественного мнения разных стран, проведённых международным центром *Gallup International*.

Оказывается, что первые места в “рейтинге счастья” принадлежат тем же северным (“малым”) европейским странам – Финляндии, Дании, Исландии, Швеции.

При этом тандем мировых экономических лидеров в “рейтинге устойчивости” резко разбежался по пути к счастью: США оказались в окружении ОАЭ и Германии (24-е место), а КНР опустилась до 60 места. Впрочем, “индийское счастье” отодвинулось ещё дальше – 126-е место.

Россия помещена в самую середину рейтинга – 72-е место.

Самые “дальние места” в этом рейтинге принадлежат странам Африканского континента. При этом последним в рейтинге “несчастливых” указан Афганистан.

Впрочем, оценивая результаты успеха стран в реализации стратегии устойчивого развития следует иметь в виду условный и относительный характер предложенной иерархии. И тем не менее выявляется высокая степень взаимосвязи устойчивости социума и социокультурных процессов.

* * *

Ещё накануне Саммита-2024 встречались мнения экспертов, считавших чудом само его проведение в этот “неустойчивый период” развития глобального социума. Впрочем, Саммит не только состоялся, но завершился принятием базового документа – “Пакт будущего”, в котором обозначены направления международного консенсуса в процессе продвижения цивилизации к 2030 году.

Во-первых, Повестка дня в области устойчивого развития по-преж-

нему рассматривается как “путь к будущему”. Прежде всего, ставится задача снятия системы проблем, связанных с радикальными климатическими изменениями: расширение процесса декарбонизации и переход на возобновляемую энергетику. Намечен переход от централизованной к “децентрализованной энергетике”, развиваемой в рамках локальных социокультурных систем (общин).

Во-вторых, развитие науки оценивается как базовый “сквозной инструмент” позволяющий, с одной стороны, выявить сущность противоречий современного цивилизационного динамизма, а с другой – предложить адекватные направления их преодоления, а также предотвращения потенциальных негативных трендов в системе реализуемых социокультурных процессов. Речь идёт о расширении “интегрированного вклада” естественных и социальных наук в понимание радикальных разногласий в рамках современной цивилизации на основе свободного восприятия планетарного информационного потока.

Инновационность во всех, в сущности, сферах бытия рассматривается как тренд, обеспечивающий позитивное развитие глобального социума и эффективность его динамизма. При этом искусственный интеллект (*Artificial intelligence, AI*) как элемент реального “вхождения в будущее”, отнюдь не заменяя человека, позволяет принимать адекватные управляющие решения на всех уровнях социума. Иначе говоря, предполагается, сформулировав основные принципы и законы AI, разработать международный механизм его мониторинга и управления.

В-третьих, повышение статуса молодёжи на фоне постарения мирового населения рассматривается как один из решающих факторов динамики цивилизации ближайшего будущего.

В-четвёртых, актуализация тренда радикальной трансформации глобального управления, имея в виду не только “инклюзивный коллективный подход” к принятию решений, но и повышение “степени коллективизации” на всех этапах, обеспечивающих эффективность прогнозирования и разрешения социокультурных противоречий планетного масштаба.

И, наконец, реализация (возвращение) стратегии мирного сосуществования государств, в рамках которой материализация философии мира рассматривается как адекватный ответ на турбулентную остроту современного этапа развития цивилизации.

* * *

Удался ли Саммит? Однозначно ответить на этот вопрос не так просто.

С одной стороны, сам факт того, что в условиях остроты реальных конфронтационных трендов внутри мирового сообщества (РФ и несколько дружественных стран выступили против подписания документа, считая его “несбалансированным”), большинство лидеров удалось не только собрать за круглым столом, но найти политический консенсус. Выпущен совместный документ, отражающий в той или иной мере систему базовых проблем глобального масштаба, требующих своего разрешения как в рамках современно-го цивилизационного пространства,

так и экстраполируемых в предвидимое будущее. Лидеры мирового сообщества, обозначая особое видение “планетарной турбулентности”, тем не менее стремились найти своё место в системе формирующегося миропорядка.

С другой стороны, очевидно и то, что острота мировой военно-политической ситуации отнюдь не способствует адекватному формированию политического консенсуса. Более того, в этих обстоятельствах требовалось не только обозначить необходимость “нового международного консенсуса”, но и выйти на уровень целенаправленных практических решений, способствующих реальному преодолению геополитических разногласий.

Иначе говоря, необходимо разработать “международные правила дорожного движения”, позволяющие как предотвращать, так и разруливать острые конфликтные ситуации (вызванные в том числе кибератаками). При этом гибкость регулирования ситуаций высокой степени конфликтности должна учитывать возможность их регулирования как на локальном, так и регионально-международном уровнях.

Впрочем, реальные ответы на эти и подобные им вопросы связаны с реализацией радикальной трансформации исторически сложившейся архитектуры механизмов управления современными международными процессами. Об этом, в частности, предполагается обстоятельно говорить и на полях ООН в 2025 году, когда намечается обсуждение её Устава, приуроченного к 80-летию принятия этого базового документа.

* * *

Экстраполируя нынешние тренды, всё настойчивее прогнозируется неуклонное формирование “цифрового будущего” цивилизации, где инновационные технологии определяют конструктивный динамизм глобального социума.

В системе грядущего “цифрового общества” (*digital society – DS*) действуют социальные структуры, интегрированные инновационными (информационными) технологиями. Они обеспечивают целенаправленную эффективность социокультурной деятельности человека. Иначе говоря, человеческий интеллект и технологические системы составляют взаимосвязанную целостность. Человек, транслируя целевые установки, передаёт возможность их реализации искусственному интеллекту. То есть на определённом уровне развития технология, восприняв управляющий импульс от человека, получает возможность его имманентной адаптации к стратегическим потребностям социума.

При этом повышается степень виртуализации деятельности. Большая её часть перемещается в цифровую сферу. Предполагается, к примеру, что цифровизация позволит, смягчив масштабы реального воздействия производственно-хозяйственного механизма человечества на естественную среду обитания, приблизится к разрешению системы планетарных социо-природных проблем цивилизации.

Трансгуманисты, экстраполируя в будущее современные информационно-технологические тренды, прогнозируют появление феномена виртуального бессмертия – возможность хранения (переноса) че-

ловеческой личности в цифровой форме. Впрочем, уже сегодня международные научные фонды выделяют гранты, стимулирующие разработки цифровых версий реального человека.

Тем не менее и в рамках “технологического оптимизма” добавляется ложка дёгтя в бочку мёда сугубо позитивного видения будущего цифрового общества. Прогнозируется возможность авторитарного диктатора в планетарном информационном пространстве, целенаправленная манипуляция цифровыми данными под внешним давлением и проч.

Особенно беспокоят – уже современные поколения – медико-биологические последствия неумеренного “сидения” в сети. Современный человек в среднем в день проводит в информационном пространстве около 8 часов – на несколько часов больше, чем рекомендуется специалистами. И эта цифра неуклонно растёт. Уже сейчас отмечаются негативные последствия для психического и физического здоровья, особенно молодых возрастов.

В наиболее радикальных прогнозах предстаёт такая картина: в дисплей компьютера размером во всю стену упорно всматривается скрученный тщедушный человек. А за окном его кабинета – цветущий сад с порхающими бабочками. Ему удалось сохранить биосферную целостность и биоразнообразие, но ценой утраты своей биологической самости. Возможный имидж будущего DS-человека напоминает сказочное чудовище с аленьким цветочком в волосатой лапе из знаменитого советского мультфильма.

Нынешние “пессимисты”, число которых неуклонно возрастает, не

спешат снимать “чёрные очки”, оценивая тренды мировой динамики. В современных условиях нередко реанимируются опасения прошлого.

Действует, примерно, такая схема рассуждений, кажущаяся вполне логичной, применяемая ещё с античных времён. Если природа, отождествляемая с понятием “земля – мать”, “утомляется” с годами, то и природный потенциал неуклонно исчерпывается, не соответствуя темпам прироста мирового населения.

Именно об этом говорят неомальтузианцы, настаивая на прямой взаимосвязи между ростом мирового населения, постоянным дефицитом продовольствия в мире и продолжающейся деградацией естественных экосистем. И хотя темпы демографического прироста сокращаются, тем не менее к 2100 г. на планете будет проживать, по данным ООН, свыше 10 млрд человек. И это, безусловно, предельно осложняет разрешение исторических социопрототипических противоречий.

В сущности, экспансия современной модели цивилизации в предвидимое будущее связывается с неизбежным “экологическим коллапсом”. Возможность смягчить этот тренд (или даже предотвратить) видится в рамках двух, по крайней мере, направлений деятельности глобального социума. А именно регулирование планетарного демографического роста и масштабное использование инновационных технологий, отношение к которым приобретает отчётливо противоречивый характер.

Приверженцы неолуддизма, с одной стороны, активно используют информационные возможности современных технологий (считается,

что свыше 90% молодежи западных стран – участники сетевого процесса); с другой – всё больше отвергает их за вмешательство в повседневную жизнь индивидуума. Они не принимают использование атомной энергии, критикуют процессы химизации бытия, стремясь вернуться к “истинным” природным ценностям. Многие из них против того, чтобы будущее цивилизации определяли “цифровые аборигены” (*Digital Natives*), стремящиеся возводить стратегическую архитектуру по лекалам компьютерных систем.

Психологи расходятся по поводу степени конструктивности позитивного и негативного подходов к оценке стратегических перспектив цивилизации. С одной стороны, одни считают, что оптимистическая трактовка будущего даёт дополнительный стимул для реализации

механизмов социокультурной динамики. С другой стороны, полагают, что оптимистический взгляд “расхлябывает” прогностический динамизм социума.

При этом считается, что “оптимисты” живут дольше, нежели “пессимисты”. Иными словами, “оптимист” может в большей степени рассчитывать на вхождение в будущее, чем “пессимист”.

Впрочем, в условиях нашей цивилизации периода “неустойчивого риска” и “высокого уровня неопределённости” целесообразнее исповедовать мировоззрение объективного реализма. В любой момент может прилететь “чёрный лебедь”, требуя принятия решений, не вписывающихся в прокрустово ложе стандарта, особенно имея в виду их (решений) прогностическую направленность.

